

Глава 57. Беспольный

Вернувшись в академию, Чу Цы заметил, что окружающие стали относиться к нему куда дружелюбнее. Ученики при встрече приветливо улыбались и кланялись, и даже Чжу Цзе, эта назойливая муха, прекратил своё беспрестанное жужжание.

— Брат Чу! Наконец-то ты вернулся! — воскликнул Чжан Вэньхай, вид которого был столь измучен, словно его подвергли жестоким пыткам. Под глазами у него залегли тёмные круги.

— Что с тобой стряслось? — спросил Чу Цы. — Уж не по крышам ли ты по ночам лазал? Отчего у тебя такой утомлённый вид?

— И не спрашивай. Брат Чу, разве не ты поручил мне заботу о том мальчике? Да он меня чуть до смерти не извёл, — удручённо произнёс Вэньхай. — А ведь с виду был таким паинькой, я потому и согласился не раздумывая.

— Юй-эр? Но Юй-эр такой послушный ребёнок, как он мог тебя известить? — удивлённо спросил Чу Цы. Когда он присматривал за мальчиком, тот был сущим ангелом, таким же послушным, как и его Сяо Юань.

— В тот день, когда я пришёл за ним в полдень, он, едва увидев меня, тут же скис. За обедом вздохнул раз семь или восемь, не меньше, и всё спрашивал, почему дядя Чу и братец Сяо Юань ещё не вернулись.

Кочжи горестно вздохнул и продолжил:

— Я долго ему объяснял, что вы вернётесь только через два дня, и он вроде бы успокоился. Но вечером, когда стемнело, он отказался ложиться спать и заставил меня разговаривать с ним. А когда я, думая, что он наконец уснул, попытался лечь сам, он, услышав, что голоса затихли, вдруг начал плакать. Я его оба вечера только и делал, что утешал!

— Сочувствую тебе, брат Кочжи! Когда родные этого ребёнка снова пришлют угощения, я непременно оставлю тебе твою долю, — Чу Цы по-дружески похлопал Чжан Вэньхай по плечу, словно утешая маленького ребёнка. Двое других, наблюдая за этой сценой, не смогли сдержать смеха.

Хотя Чжан Вэньхай и жаловался больше всех, на самом деле из всей троицы именно он лучше всех ладил с детьми.

Тем временем Чу Сяоюань с сумкой за плечами вошёл в заведение для начинающих учеников. Как раз закончился урок, и наступило время для отдыха. Несколько детей с криками носились по двору перед классом. Один пухлый мальчик, разбежавшись, случайно врезался в него.

Сяо Юань нахмурился и уже хотел сказать ему, чтобы впредь был осторожнее, как вдруг толстяк задрожал всем телом и разразился громким плачем.

Он замер.

— Ещё раз заплачешь — побью.

Толстяк испуганно съёжился, бросил взгляд на других мальчишек и опрометью бросился в класс.

«Что-то тут не так!» — подумал Чу Сяюань.

Он чувствовал, что они ведут себя странно. Конечно, они и раньше его побаивались, но чтобы расплакаться при одном его виде — такого ещё не было.

Он тоже сорвался с места и побежал в класс.

Чжунли Юй холодно смотрел на стоявшего перед ним высокомерного мальчишку. В его детском голосе звучали ледяные нотки:

— Подними!

Мальчика звали Се Линь. Он был из богатой семьи и привык к тому, что ему все потакают. Он скопил глаза на собеседника.

— И не подумаю. Можешь позвать своего прихвостня, пусть он меня побьёт! Пхе! — С этими словами он с силой наступил на упавшую на пол кисть Чжунли Юя и потоптался на ней.

Его грудь яростно вздымалась, но прежде чем он успел что-либо предпринять, в класс ворвался Чу Сяюань, преследовавший других детей. В одно мгновение холод во взгляде малыша сменился горькой обидой, а на глазах навернулись слёзы, готовые вот-вот пролиться. Он выглядел невероятно несчастным.

Се Линь застыл в изумлении и, заикаясь, пробормотал:

— Не... не думай, что если ты заплачешь... я стану это поднимать.

Он шагнул вперёд, сам не зная зачем, но в следующее мгновение уже был повален на землю.

Вернулся Чу Юань, которого он считал прихвостнем Чжунли Юя. Пользуясь своей силой, он прижал его к полу так, что тот не мог и пошевелиться.

— Эй, вы! Идите сюда, навалимся на него все вместе! — закричал Се Линь, барахтаясь на полу. Остальные мальчишки, движимые братской солидарностью, скрепя сердце тоже ринулись в бой.

Итогом этой потасовки стало то, что Чу Сяюань и Чжунли Юй вдвоём одолели шестерых. Не считая растрёпанных волос, испачканной в грязи одежды и небольшой царапины на руке Чжунли Юя, других повреждений у них не было.

Шестеро же их противников громко рыдали, их лица распухли, а тела болели от ударов.

Когда другие ученики позвали учителя, чтобы разрешить конфликт, у того от головной боли чуть не расколосся череп. Выяснив причину драки, он наказал всех, отмерив каждому по пятьдесят ударов линейкой, и велел стоять у дверей класса до самого обеда.

Сяо Юань был недоволен. Он считал, что защищал товарища и поступил как герой, а потому не заслуживал такого обращения.

Он и не подозревал, что шестеро других были огорчены ещё больше. Всего лишь наступили на кисточку, а в итоге их избили, да ещё и наказали так надолго. Чем больше они об этом думали, тем сильнее им хотелось плакать.

И лишь Чжунли Юй, единственный, кто остался в стороне от всеобщего горя, смотрел на примчавшегося ему на выручку брата и счастливо шурился.

— Когда вернёмся, не говори моему дяде, — отвернувшись, буркнул Чу Сяюань. Быть наказанным — какой позор, а ведь он только недавно хвастался, что учитель его хвалил.

— Угу! Я не скажу дяде Чу, — кивнул Чжунли Юй.

Солнечные лучи падали сверху, бросая пятнистые тени на лица детей, стоявших в наказание у дверей класса, и запечатлевая в памяти эту прекрасную картину.

— Говоришь, решил переключиться на «Вёсны и осени»?

Вопреки ожиданиям Чу Цы, учитель Цинь не разгневался. Голос наставника был совершенно спокоен, словно он просто осведомился, уверен ли ученик, что на ужин ему хватит лишь риса с овощами.

— Да, учитель. Я знаю, что в преддверии провинциальных экзаменов внезапная смена основного канона, должно быть, сильно вас разочаровала. Но после долгих раздумий я всё же

принял это решение. Изучающие «Книгу песен» — люди добрые и великодушные. Изучающие «Вёсны и осени» — искусны в речах. Учитель, как по-вашему, что больше подходит мне?

Лицо Чу Цы выражало вину, но в его словах звучала непоколебимая вера. Он низко склонился в почтительном поклоне.

— Эх, садись, — учитель Цинь тяжело вздохнул. — А я-то думал, ты мне и не скажешь.

Чу Цы в изумлении поднял голову. Судя по тону учителя, тот уже давно догадывался о его намерениях.

— Ты относишься ко мне как к родному отцу, так разве я не считаю тебя своим сыном? Прежде ты был прилежным и трудолюбивым учеником. Хоть и неразговорчив, но сердцем мягок, искренен и великодушен к людям. Вот только юношеский пыл не остыл, и ты был слишком доверчив, отчего и пострадал.

— Нынешний же ты — находчив и умён, искусен в споре, а твой разум так изворотлив, что с тобой мог бы сравниться разве что возрождённый Би Гань. Если бы я не видел тебя каждый день, то заподозрил бы, что тебя подменили. Люди говорят, что природу человека изменить труднее, чем горы и реки. Но они не знают, что иногда нужно сперва сломаться, чтобы затем возродиться. В прошлом году ты пережил тяжкое испытание, и неудивительно, что твой нрав изменился. К счастью, ты не ожесточился и не стал винить в своих бедах весь мир.

— Но «Книга песен» тебе больше не подходит. Всю свою жизнь я не достиг особых высот, лишь в изучении этого канона добился некоторых скромных успехов. Но то, в чём я наиболее силён, теперь для тебя бесполезно. И я, твой наставник, право, не знаю, чему ещё могу тебя научить.

<http://bllate.org/book/15354/1433105>